

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКУ С ГОСУДАРСТВОМ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

(о книге Я.М. Миркина «Искушение государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире»¹)

Аннотация. Работа представляет собой рецензию на книгу, которая в научно-популярной форме раскрывает многие глубокие вопросы взаимодействия человека и государства. В книге речь идёт преимущественно о так называемом хищническом государстве. На многих исторических российских примерах показано, как государство сметало благополучие, собственность, да и сами жизни людей. В то же время мы встречаемся с удивительными примерами адаптации индивидов к, казалось бы, безнадежным ситуациям. Можно сказать, что это книга о человеческом поведении в условиях сильнейших стрессов. Автор её часто обращается к российским реформам и реформаторам. Ищет истории успеха. И, по мнению рецензента, их не находит. В книге, к сожалению, почти не ставится главный вопрос: почему российские реформы из века в век неуспешны? В лучшем случае достигается ограниченный результат. Я. Миркин демонстрирует успехи зарубежных реформаторов и на этом основании полагает, что Россия «сможет повторить». Разумеется, это будет не точная копия, а свой путь радикальных институциональных преобразований. Однако при такой постановке вопроса надо было расписать, какие властные игроки заинтересованы в реформистском сценарии, насколько они влиятельны и т.п. Автор предоставляет читателю возможность самому судить об этом. Главная ценность книги — описание поведения актора — хищнического государства. Можно наглядно видеть непредсказуемость и радикальность его шагов, ведь система сдержек и противовесов отсутствует. И ещё прочтение книги подготовит исследователя к восприятию государства таким, каково оно есть, что тоже немаловажно.

Ключевые слова: хищническое государство, реформаторы, реформы, зарубежный опыт.

JEL: H11, P51

УДК: 338.242 338.244 338.24.021.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179

© А.П. Заостровцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Как вести себя человеку с государством, чтобы выжить (о книге Я.М. Миркина «Искушение государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире») // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 170–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. How to Deal with the State in Order to Survive (on the Book by Ya.M. Mirkin «Temptation by the State: Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 170–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179.

¹ Миркин Я.М. (2024). Искушение государством. Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире. — М.: АСТ. Далее ссылки на страницы из этой работы приводятся в круглых скобках без указания источника.

Профессор Я.М. Миркин — известный финансист и автор не только чисто академических работ, но и заслуженно пользующихся большим спросом у читателей научно-популярных книг. Одной из них является монография «Правила бессмысленного финансового поведения» [Миркин, 2022]. Обзор последней представлен недавно рецензентом в журнале «Финансы и бизнес» [Заостровцев, 2022]. Что же касается рассматриваемой книги, то у неё была предшественница [Миркин, 2023]. Её успех, видимо, подтолкнул автора к работе над дополненным и переработанным изданием.

В предисловии говорится: «Эта книга — для думающих. Для проникательных, для тех, кто собирается быть научно точным — можете смеяться — в собственных действиях, не поддаваясь на мифы, понимая, как всё устроено, и думая аналогиями» (с. 11). В России уже издавались работы, призванные разоблачить мифы. Причём тоже ведущими экономистами [Гуриев^{*2}, 2010; Сонин^{*3}, 2011]. Однако книга Миркина — другого плана. Он не столько предлагает читателю разоблачать ложность обывательских суждений и предрассудков на основе постулатов экономической науки, сколько заставляет невольно задуматься: что я значу для государства и государство для меня? И где моё место: в «пасти у Левиафана» или всё-таки где-нибудь подальше от неё?

Автор так и спрашивает читателя: где Ваше место в этой системе? И есть ли оно? А далее даёт вводные установки (с. 17). Баронам за службу дарованы феоды (регионы/госкорпорации), которые составляют 50% экономики. Затем «служилые дворяне» — это ещё 10–15% экономики, облепившей госкорпорации и властные структуры всех уровней. Потом крупные куски, отданные в откуп. Ещё 10–15% экономики. И, наконец, свободная экономика — 10–15%. Обложенная данью, как в Золотой Орде, розница.

Что имеем? «Приватизированное государство. Проблема — власть, не передаваемая по наследству, значит, собственность подвержена переделам. Неустойчивость, взрывоопасность. Для нас для всех — неудачный проект, тупик, в который загнали трамвайный вагон» (с. 17).

Если автор относит перечисленные выше характеристики к России (сам он никакую конкретную страну не называет), то они нуждаются в уточнении. Большинство населения встраивается в то, что социолог С. Кордонский назвал «распределённым образом жизни»⁴. И, одновременно, в сословную структуру постсоветской России [Кордонский, 2008]. Более-менее активная часть населения стремится попасть в число представителей «титовых сословий» (в систему «государственного служения»), на вершинах которых открывается право на «административную ренту» и накопление «административной валюты». И тут социология России по Кордонскому очень органично переплетается с кейсами ухода от государства в книге Миркина. Как удачными, так и не очень (для героев этих кейсов). А то и совсем неудачными.

Подзаголовком книги о краткой истории российских стрессов является триада: «замри — беги — сражайся» [Миркин, 2023]. Очень похоже на те опции, которые были предложены Д. Мюллером в его обзоре теории общественного выбора. Как известно, А. Хиршман рассматривал такие опции поведения: выход, голос и верность [Hirschman, 1970]. Мюллер сделал из них выход, голос и нелояльность [Mueller, 2003. Pp. 182–206]. Применительно к России стратегию голосования можно заменить на «замри», поскольку голосование в истории страны часто становится не столько выбором, сколько demonstra-

² * Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

³ * Сонин К. И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

⁴ «Распределённый образ жизни складывается из множества локальных общностей: общностей дачных электричек, гаражно-автомобильных, погребных, собственно дачных, со своими разными и часто своеобразными нормами» [Кордонский, 2021. С. 59]. При этом данный образ жизни характеризует не только рядовые народные массы. «Этот образ жизни свойственен всем социальным группам постсоциалистического общества» [Там же. С.58]. Для верхних страт формами распределённого образа жизни становятся различного рода зарубежные активы (банковские счета, недвижимость и т.п.). Распределённый образ жизни обусловлен тем, что «людям нужны гарантии выживания в их перманентном стремлении убежать от государства» [Там же. С. 61].

цией лояльности к власти имущим. Таким образом, оно есть составляющая стратегии «ухода в тень» (той самой «замри»): следование этике воспитанного конформизма («выученной беспомощности») или мимикрии под него.

Что касается «нелояльности» (по Миркину — «сражайся»), то тут имеются примеры из бурной жизни революционеров-террористов прошлого. Экономисты исследуют всё, даже поведение таких персонажей, хотя позволим себе сказать, что работающие в России экономисты не в курсе об этом. Тема террористов (особенно террористов-смертников) особенно широко зазвучала после 11.09.2001 г. Посмотрим на отдельные публикации, где объясняется их персональная мотивация [Azam, 2005; Wintrobe, 2006; Shimizu, 2011].

Система индивидуального террора на современном Ближнем Востоке радикально отличается от той, что была в России в конце XIX — начале XX вв. Разумеется, последняя не подкреплялась у террориста сознанием того, что после его смерти его близкие будут гарантированно обеспечены и уж точно уважаемыми людьми [Azam, 2005]. Р. Уинтроуб же и Х. Шимуцу сместили мотивацию к силе социальных связей (чувству принадлежности к группе, солидарности с ней), комфортности (единству убеждений) и внутригрупповой репутации единомышленников. Кроме того, у Шимуцу подчёркивается роль лидеров в развитии этих качеств, побуждающих к самопожертвованию [Wintrobe, 2006; Shimizu, 2011].

С жаркого Востока вернёмся на холодный Север, в Россию, в начало прошлого века. Борис Савинков спрашивает одного «ангела с бомбами»: зачем вы пошли в террор? Не будем цитировать. Из изложенного автором виден мотив: это спасение души. Но только «другим путём»: не через пост и молитву, а через разовый акт обмена жизни на революционном поприще. Взамен — вечная благодать (уж как там она представлялась — не столь важно) как бесконечно ценное благо.

Перейдём на язык экономической теории. Это то, что известно как *лексикографическое предпочтение*. Оно определяется как:

$$(x^A, y^A) \succ L(x^B, y^B), \text{ если либо } x^A > x^B, \text{ либо } x^A = x^B \text{ и } y^A > y^B.$$

В этой модели «потребительского выбора», в отличие от обычных, x просто не сравнивается с y . Он безусловно предпочтителен. У террористки Марии Беневской (из книги Миркина) — это «смерть во имя» или принесённая в жертву жизнь. Можно принять, что для неё $x^A = x^B = x^*$ (интерпретируем это как безразличие к продолжительности ожидаемой жизни в случае отказа от революционных деяний и возврата в обывательское бытие). Тогда она, конечно, может делать выбор между количествами второго после лучшего блага (y^A, y^B), но даже за бесконечную величину последнего не отдаст самой малой частички блага x (рис. 1).

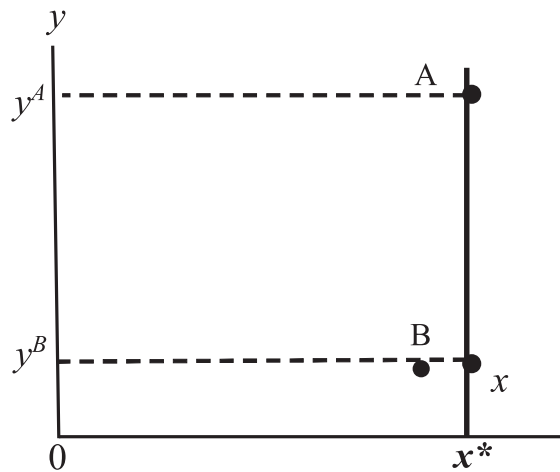

Рис. 1. Лексикографическое предпочтение блага x^*
 Источник: разработано автором.

Для экономистов в названной выше триаде более интересна стратегия выхода («голосования ногами»). Она доводится до читателей на примере разных судеб. Однако по большей части судьбы счастливых и не очень беглецов от экономического хаоса великих потрясений были представлены ранее [Миркин, 2022]. Автор данной рецензии даже назвал лучшую из этих моделей «голосования ногами» по имени её реализатора — модель Дервиза (граф всё продал, уехал из Российской империи до Первой мировой и потом встречал на улицах Парижа толпы голодных эмигрантов) [Заостровцев, 2022. С. 134].

Из неё, кстати, можно заключить, что интуиция предпринимателя (кейнсианский «животный дух» или неявные знания по Хайеку) гораздо важнее усвоения всей суммы явных знаний, преподаваемых в бизнес-школах. Особенно, когда речь идет об отношениях с таким нередко непредсказуемым и агрессивным субъектом, как государство.

В книге государство буквально «охотится» за человеком. Пушкинский «Медный всадник» гонится за несчастным Евгением. Или оно играет с ним в «морской бой»: бьёт безжалостно по квадратам, и у человека (а бывает и от человека) не остаётся вообще ничего. Человек изобретателен в своей борьбе за выживание — иногда поднимается и, казалось бы, вырывается из его лап, а потом нередко снова гибнет в пучине государственного произвола.

В этом плане в книге интересна история некоего Леонида Дубровского — героя Гражданской войны (награждённого орденом «Красного Знамени»). После введения НЭПа он управлял московским ресторанным трестом. Стал баснословно богат. Но век НЭПа недолог. Герой получает от государства отличную квартиру за прошлые революционные заслуги, но всё не успокаивается и ищет незадавленный бизнес, к которому можно примкнуть. Умудрялся что-то иметь и в мобилизационной экономике 30-х гг. XX в.: парикмахерские, спекуляция зарубежными пластинками через дипломатов. В итоге — сталинский лагерь. Был там обнаружен во время войны, но как оказался там — достоверно неизвестно. Мирская слава ушла. Один из рабов ГУЛАГа. Настало погружение в полную безвестность (превращение в «лагерную пыль») (с. 51–54).

Когда читаешь книгу, менее всего вспоминаешь традиционное для учебников экономики видение государства как благонамеренного деспота, исправляющего внешние эффекты и раздающего так называемые «общественные блага». Скорее, видишь перед собой олсоновских бандитов, где кочующий тоже играет немалую роль [Olson, McGuire, 1996].

Книга Я. Миркина заставляет в очередной раз осознать, что государство — государству рознь (и это ещё очень мягко сказано!). Обратимся к современным теориям. Вот, пожалуй, самая полная классификация государств разного рода, которую недавно составили венгерские исследователи Б. Мадьяр и Б. Мадлович (рис. 2).

Очевидно, что в книге мы не часто поднимаемся выше первого этажа (модели «грабящей руки»). Впрочем, она даже не столько о путешествиях по нему, сколько о попытках подняться на этаж выше. К ним ещё подойдем. Пока же впечатление от текста заключается в том, что при всех замечательных подробностях автор обходит главное. А именно: откуда всё это берется?

Бывает, конечно, что свой, привычный, пригодный для обывателя и, по преимуществу, умеренно грабящий госорганизм устраняется, и на место него приходит некто из нижнего ряда. Так, например, было после Второй мировой войны: известные партии-государство заходили в страны Балтии и Восточной Европы. Впрочем, ненадолго в историческом измерении. Потом на наших глазах случилось избавление от «чуждой матрицы»: даже не самые «проевропейские» из европейских стран бывшего соцблока не сомневались в каком направлении им идти. В ЕвразЭС никто из них не рвался.

Вернёмся в Россию. Отдельный сюжет в книге — реформаторы. Там и для царей-реформаторов место нашлось. Так, Александр II — «человек перемен». Вместе с командой преобразователей. Итог известен. Но автор подчёркивает, что «проклятые вопросы» остались: как изменить, как догнать, как не отставать и не удушить себя вертикалями? (с. 169–178). Традиционно рассматривается Столыпин (с. 241–246). Итог его жизни тоже известен.

Рис. 2. Типы государств

Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Т. 1. — М.: НЛЮ, 2022. С. 154.

В книге много и интересных лиц второго плана, писавших и даже делавших что-то, чтобы вывести Россию из вечно неустроенного бытия. Вот любопытный сюжет (с. 246–251): адмирал Н.С. Мордвинов (1754–1845). Начало XIX в. Любой нынешний сторонник смены модели государства и общества в России может смело списывать программу его реформ. Подредактировать немного — и совсем не покажется архаичной.

Отсюда — отчаянный поиск «историй успеха» на фоне постоянных неудач. Как внутри страны (того же НЭПа) (с. 290–295), так и зарубежных образцов. Вот вам Эрхард, вот вам Франко, вот вам Тито, вот вам Пак Чон Хи, вот вам малайзийский реформатор Махатхир Мохамад (с. 130–131). Позже добавляются бессменные адресаты подобных рассуждений Дэн Сяопин и Ли Куан Ю (с. 288–289). Знакомый с сюжетом пьесы Самюэля Беккета «В ожидании Годо» обязательно проведёт с ней параллель: либеральные экономисты в России постоянно жаждут всемогущего героя, который избавит их от враждебного мира. Егор Гайдар большинство разочаровал.

Оценивая недавнее прошлое России, автор увидел испорченный либерализм. «Либерализм в России испорчен. Он подменён рыночным фундаментализмом РФ». «РФ (Российская Федерация) и РФ (рыночный фундаментализм) долгое время были синонимами» (с. 268). Это можно назвать легендой о «рыночном фундаментализме» в России. Допускается чисто эмоциональное высказывание.

Исследователю легко обратиться к какому-нибудь докладу из серии «Докладов о переходе» (Transition Report) Европейского банка реконструкции и развития, которые регулярно показывали скорость движения к рынку разных постсоциалистических стран. Россия на этом пути — крепкий середняк. В докладе от 2010 г. по такому «прорыночному» показателю, как либерализация цен она ровно в середине: из 30 стран 14 располагаются выше неё. Даже по крупномасштабной приватизации (любимому объекту критики как поспешной) она пропустила вперед 8 стран [Transition Report, 2010. P. 4].

Источник легенды о рыночном радикализме российских реформ рецензент видит в позиции топ-менеджмента бывших социалистических предприятий в 1990-е гг. (так называемых «красных директоров») и близких им «товарищей» из хозноменклатуры. Те из них, кто не приспособились должным образом к переменам, требовали передышку («градуализма»). Да и в принципе они были согласны на роль «безответственных распорядителей» при условии закрепления за ними финансовых потоков и управления активами.

Выше отмечалось, что попадание в модель «грабящей руки» (по Мадьяру–Мадловичу) может произойти за счёт силового экспорта институтов внешней стороной. Однако как насчёт тех стран, где институты «грабящей руки», как говорится, от начала веков? Где они свои, родные. П. Беттке с коллегами определил их как введённые изнутри эндогенные институты, которые в своем ядре содержат то, что они обозначили греческим термином *метис*⁵. Последнее понятие можно приравнять к социальному капиталу. Знаменитый Ф. Фукуяма видит его как «набор неформальных ценностей и норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [Фукуяма, 2004. С. 30].

По всей видимости, эволюционно накопленный в веках и наследуемый из поколения в поколение социальный капитал («выкристаллизовавшийся» в историческом времени продукт) и есть тот самый *метис*. И переход от модели «грабящей руки» к модели «поддерживающей руки» потребует «полного переливания крови»: радикальной смены как неформальных институтов (культуры общества), так и формальных. Выхода из исторической колеи.

К сожалению, в книге не предлагается конкретно, как и, главное, за счёт чего и кого можно будет осуществить такой переворот в России. Конечно, перечисляются условия, когда власть лопается (с. 143). Однако при обращении к ним видно, что они совсем не универсальны и некоторые из них вполне себе могут продолжать собственное существование, не опрокидывая при этом государство. «Гибель, голод, холод» не свергли большевиков во время Гражданской войны. Современный долговременный хаос в экономике не устранил венесуэльского президента Н. Мадуро. Да ведь и задача либерального поворота не в том, чтобы прерваться в несостоявшееся государство, а прочно занять позицию на втором этаже (рис. 2).

Разумеется, есть подробная картина того, как должно быть («какой должна быть власть») (с. 273–274). Разбирать её, полагаю, не стоит. Любой читатель журнала знает хотя бы в общих чертах, как описать правовое социальное государство. Как только Я. Миркин «разобрался с государством» (набросал его идеальный портрет), он ссылается на наследие крепостного права как сдерживающий или связывающий (*bonding*) социальный капитал, который портит светлую картину будущего. Это, пожалуй, одно из немногих, если не единственное, обращение его к сути вещей: а как сменить социальный капитал на противоположный по своим качествам? Тем более, что не только наследие крепостного права мешает, а наследие гораздо более близкого исторически всеохватывающего служилого государства социалистической эпохи.

Вот «тормозящие институты» почти никак и не раскрываются. Краешком упомянуты и ладно. Как же их-то демонтировать? Но вместо этого снова идут нормативные требования (как надо, чтобы было «хорошо»), краткая картинка «формулы успеха для России» (с. 281) и уже не первый раз на протяжении монографии повторяющиеся обращения к чужому опыту (с. 284–290). Строго говоря, это и нельзя поставить автору в упрёк. Иначе он бы просто взялся за решение задачи, такового не имеющей. Как из ухи сделать аквариум?

Другое дело, что он выступает всё-таки с позиций социального конструктивизма («у других получилось и вам не заказано»). Пусть и умеренного. И постоянно внушает читателю мысль о шансах на торжество «неиспорченного либерализма» в России. Правда, кажется, без особого оптимизма.

Что тут можно сказать? Я. Миркин очень напоминает по своим взглядам и подходам к анализу политико-экономических и социальных явлений либерала-шестидесятника, чудом проскочившего в наше время. В основе методологии — вера в прогресс. Пусть и в конечном счёте. Ход модернизации неудержим и все, кто встаёт на её пути, вынуждены будут сойти с дороги. «Наше дело правое, враг будет разбит».

⁵ Подробнее: [Заостровцев, 2014].

На самом деле это видение мира мешает, ибо рождает стремление не замечать современность. Коль речь идёт о государстве, то стоит обратить внимание на тот весьма неприятный для классического либерала факт, что демократии в мире больше не становится. Напротив, она отступает по всему миру⁶. И приведённые ниже цифры не могут быть интерпретированы как краткосрочные колебания. Речь, как видим, идёт о периоде в 20 лет и устойчивом тренде.

Однако этого мало. Мир классического либерала сталкивается с куда более серьёзным вызовом. Запад (правовая цивилизация) перестаёт быть таковым. Естественно, что процесс не завершён, но он активно идёт. Тут нет особого смысла перечислять все то, что относится к так называемой *woke* культуре и политкорректности. И это очень серьёзно. На базе этих культурных установок разрушаются верховенство права и права собственности. Происходит этническое замещение носителей Западной цивилизации и её идентичность оказывается под угрозой. А следовательно, и способность быть мотором прогресса и гарантом личного суверенитета [Саррацин, 2016; Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018; Коцюбинский, 2022].

В результате Я. Миркин как либеральный автор попадает в очень сложное положение в случае нормативных рассуждений. Выставляя, например, социальную рыночную экономику германского или скандинавского типа как некий светлый ориентир для будущих российских трансформаций, он неизбежно вынужден решать вопрос: речь идёт об идеализированном их образе, сложившимся лет 30–35 назад, или же их современном реальном состоянии со всеми заложенными в них разрушительными трендами?

Если сделать упор на идеальный образ, который, надо признать, на рубеже 90-х гг. прошлого века лучше отвечал реальности той эпохи, это будет разрывом с современностью. Если же провозгласить путь на реальный современный Запад, то будет ли этот путь привлекательным во всех отношениях? Будет ли это безусловным прогрессом? Или даже просто эффективным реформаторством в экономическом плане? Ведь современное западное общество постепенно формирует в себе то, что Л. фон Мизес называл «антикапиталистической ментальностью» [Мизес, 1993. С. 169–231]⁷.

Всё-таки под конец важно не упустить то главное, почему книга Я. Миркина полезна именно экономистам (и вдвойне — российским экономистам). Проблема в том, что представители этой ветви учения об обществе до сих пор в большинстве своём делают упор на видение государства как *контрактного* (благонамеренного поставщика общественных благ в обмен на налоги). Это льстит государству и обеспечивает идеологическое обоснование его деятельности. В реальности же любое государство (даже самое правовое из существующих) несёт в себе и другую, не афишируемую сторону медали, — свою *хищническую* природу (принуждение и изъятие) [Vahabi, 2020. P. 233]. Если эта сторона разрастается, то следует говорить о *хищническом государстве*.

М. Вахаби в своей позитивной теории хищнического государства подчёркивает, что оно «защищает только с целью распространять свое хищничество на частный сектор»

⁶ В 2003 г. количество демократизирующихся стран равнялось 35, тогда как в 2023 г. — только 18. В то же время, за тот же период число автократий увеличилось с 11 до 42. Если в 2003 г. лишь 7% населения проживало в автократизирующихся странах, то через 20 лет, в 2023 г., эта цифра достигла 35%. В итоге если в 2003 г. 50% населения Земли жили в автократиях, то в 2023 г. — 71% [Democracy Report, 2024].

⁷ Исследования трендов Глобального индекса экономической ментальности (GIEM), построенного на опросах по программам «Глобальный обзор ценностей» (WVS) и «Исследование европейских ценностей» (EVS) показали, что он имеет тенденцию к снижению (его величина показывает «силу» рыночной ментальности). Что же касается западных стран, то там наблюдается, на первый взгляд, парадоксальная картина: у людей моложе 40 лет он ниже, чем у людей старшего возраста (в Восточной Европе — наоборот). Если в целом по GIEM Швеция заняла 3-е место в мире, то по «молодёжному» GEIM — только 10-е, США — 4-е и 16-е, Франция — 26-е и 34-е, Германия — 34-е и 52-е, соответственно [Czegléd, Lips, Newland, 2021. P. 672]. Перспективы для рыночной экономики явно не лучшие. Её успех строится на адекватном культурном основании.

[Ibid.]. И отсюда по-новому определяются суть отношений в нём и его границы: «Поскольку хищнические отношения между государством и его субъектами зависят от силы государства грабить или насильственно присваивать и способности субъектов бежать или прятаться, то границы такого государства определяются природой активов, которые могут быть более или менее легко захвачены» [Vahabi, 2016. P. 153]. Присутствуют первые две составляющие из миркинской триады «замри — беги — сражайся», но только в обратном порядке. Ну а про активы всё более-менее понятно.

И пока экономисты будут игнорировать хищничество государств, их анализ будет насыщен оторванными от жизни абстракциями. На это обстоятельство уже давно обратил внимание Д. Лал: «Весь роскошный остов элегантно, усложнённой и утончённой теории, которая берёт своё начало от Рамсея, Самуэльсона, Мида, Литтла и Даймонда с Мирлизом и восходит к Аткинсону и Стиглицу, строится как таковой на предположении о благожелательном государстве, управляемом платоновскими стражниками, и всё больше становится наивным и нереалистичным» [Lal, 1994. P.35]. После прочтения книги Я. Миркина можно смело подписаться под словами Лала.

Что же касается российских экономистов, то их стремление подражать установке экономистов из развитых западных демократий (те хоть имеют дело в реальности не только с хищническим, но и с контрактным государством тоже) выглядит особо нелепо. Примером незамутнённого идеологией благонамеренного деспота анализа поведения посткоммунистических государств может, например, служить статья упомянутых выше Мадловича и Мадьяра с их исследованием «централизованно направляемого корпоративного рейдерства» [Madlovich, Magyar, 2021]. Какое к ней имеет отношение книга Я. Миркина? Она подготавливает соответствующее восприятие государства, что немаловажно и для академического работника. О студентах и говорить не приходится. Им особо полезно стряхнуть с себя удушающую пыль школьных установок на «всеблагое» государство.

В то же время некоторые современные интерпретации хищнического государства вряд ли бы во всём вдохновили Я. Миркина с его апологетикой социального государства. Всё тот же Вахаби с соавторами продемонстрировали, что послевоенное государство благосостояния в Западной Европе во многом выросло из предшествующей военной мобилизационной экономики. И что затем хищничество оказалось встроено в его социальные программы. Они даже ввели такое определение, как «хищническое государство благосостояния» [Vahabi, Batifoulier, Da Silva. 2020].

Закончим тем, что напомним: опасность экспансии государства увидели задолго до появления рассмотренной книги. В середине XIX в. Ф. Бастиа писал: «Государство быстро соображает, какую выгоду оно может извлечь из возложенной на него обществом роли. Оно станет господином, распорядителем судеб всех и каждого; оно будет много брать, но зато ему и самому многое останется: оно умножит число своих агентов, расширит область своих прав и преимуществ, и дело закончится тем, что оно дорастет до подавляющих размеров» [Сэй, Бастиа. 2000. С. 125]. Спасибо автору книги, что он на многих исторических примерах показал правоту пророчества Бастиа.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Гуриев С.⁸. (2010). *Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики* [Guriev S. (2010). *Myths of Economics: Misconceptions and Stereotypes that are Spread by the Media and Politicians*]. — М.: Юнайтед Пресс.
- Заостровцев А.П. (2022). *Финансы с человеческим лицом (О книге Я. М. Миркина «Правила бессмысленного финансового поведения»)* [Zaostrovtssev A.P. (2022). *Finance with a Human Face (About the Book by Ya.M. Mirkin «The Rules of the Meaningless Financial Behavior»)*] // *Финансы и бизнес*. № 4. С. 133–139.

⁸ *Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов..

- Заостровцев А.П. (2014). О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? [Zaostrovstsev A.P. (2014). About Development and Backwardness. How Do Economists Explain History?]. — СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Кордонский С. (2021). Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет [Kordonskii S. (2021). How Russia is Structured. Articles and Interviews from Different Years]. — М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», Common Place.
- Кордонский С.Г. (2008). Сословная структура постсоветской России [Kordonskii S. (2008). Estates Structure of Post-Soviet Russia]. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Коцюбинский Д.А. (2022). «Новый тоталитаризм XXI века». Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? [Kotsyubinskii D.A. (2022). «New totalitarianism of the 21st century» Will the fashion for safety and prohibitions go away, will the fashion for freedom and law return?]. — СПб.: Страта.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Т.1. [Magyar B., Madlovics B. (2022). Post-Communist Regimes. Conceptual Framework. Vol. 1]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (1993). Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность [Bureaucrasy. Planned chaos. Anti-capitalist Mentality]. — М.: Дело.
- Миркин Я.М. (2024). Испытание государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире [Mirkin Ya.M. (2024). Temptation by the State. Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World]. — М.: Издательство АСТ.
- Миркин Я.М. (2023). Краткая история российских стрессов. Модели коллективного и личного поведения в России за 300 лет [Mirkin Ya.M. (2023). A Brief History of the Russian Stresses. Models of Collective and Personal Behavior in Russia over 300 Years]. — М.: Издательство АСТ.
- Миркин Я.М. (2022). Правила бессмысленного финансового поведения. 2-е изд. [Mirkin Ya.M. (2022). The Rules of the Meaningless Financial Behavior.]. — М.: АСТ.
- Саррацин Т. (2016). Германия самоликвидация. [Sarratsin T. (2016). German Self-Liquidation]. — М.: АСТ.
- Сонин К.⁹ (2011). *Sonin.ru: Уроки экономики* [Sonin K. (2011). Sonin. Ru: Lessons of Economics]. — М.: Юнайтед Пресс.
- Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. (2000). Трактат по политической экономии. Экономические софизмы. Экономические гармонии [Say J.-B., Bastia F. (2000). Treatise on Political Economy. Economic sophistry. Economic harmonies]. — М.: Дело.
- Фукуяма Ф. (2004). Великий разрыв. [Fukuyama F. (2004). The Great Disruption]. — М.: АСТ, Ермак.
- Яновский К., Жаворонков Т., Черный Д., Затковецкий И. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира [Yanovskii K., Zhavoronkov T., Chernyi D., Zatkovskii I. (2018). Strategy for Long-Term Prosperity: In Search of a Melted Landmark]. — М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Azam J.P. (2005). Suicide-bombing as inter-generational investment // *Public Choice*. Vol. 122. No. 1–2. Pp. 177–198. DOI: 10.1007/s11127-005-5795-z.
- Czegléd P., Lips B., Newland C. (2021). The Economic Mentality of Nations // *Cato Journal*. Vol. 41. No. 3. Pp. 657–689. DOI:10.36009/CJ.41.3.10.
- Democracy Report (2024). *Democracy Winning and Losing at the Ballot*. V-Dem Institute. URL: https://v-dem.net/documents/44/v-dem_dr2024_highres.pdf (access date 14.03.2024).
- Hirschman A.O. (1970). *Exit, Voice and Loyalty*. — Cambridge M.A.: Harvard University Press.
- Madlovics B., Magyar B. (2021). Post-communist predation: modeling *reiderstvo* practices in contemporary predatory states // *Public Choice*. Vol. 187. No. 3–4. Pp. 247–273. DOI: 10.1007/s11127-019-00772-7.
- Mueller D.C. (2003). *Public Choice III*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M., McGuire M.C. (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. Vol. XXXIV. (March 1996). Pp. 72–96.
- Schimizu H. (2011). Social Cohesion and Self-Sacrificing Behavior // *Public Choice*. Vol. 149. No. 3–4. Pp. 427–440. DOI: 10.1007/s11127-011-9880-1.
- Transition Report (2010). *Recovery and Reform*. European Bank for Reconstruction and development. <https://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf> (access date 14.03.2024).
- Vahabi M. (2016). A Positive Theory of the Predatory State // *Public Choice*. Vol. 168. No. 1. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Vahabi M. (2020). Introduction: A Symposium on the Predatory State // *Public Choice*. Vol.182. Nos. 3–4. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00715-2.
- Vahabi M., Batifoulier P., Da Silva (2020). A Theory of Predatory Welfare State and Citizen Welfare: The French Case // *Public Choice*. Vol. 182. No. 3–4. Pp. 243–271. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Wintrobe R. (2006). Extremism, Suicide Terror, and Authoritarianism // *Public Choice*. Vol. 128. No. 1. Pp. 169–195. DOI 10.1007/s11127-006-9059-3.

⁹ *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics (St.-Petersburg).

zao-and@yandex.ru

HOW TO DEAL WITH THE STATE IN ORDER TO SURVIVE (on the book by Ya.M. Mirkin «Temptation by the State: Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World»)

Abstract. The article presents a review of the book, which in a popular science form reveals many deep issues of interaction between man and the state. The book deals primarily with the so-called predatory state. Many historical Russian examples show how the state swept away people's well-being, property, and even the lives themselves. At the same time, we encounter amazing examples of individuals adapting to seemingly hopeless situations. We can say that the book is about human behavior under conditions of extreme stress. Its author refers a lot to Russian reforms and reformers. Looking for success stories. And, according to the reviewer, he doesn't find them. The book, unfortunately, almost never asks the main question: why have Russian reforms been unsuccessful from century to century? At best, limited results are achieved. Y. Mirkin demonstrates the successes of foreign reformers and on this basis believes that Russia "can repeat it." Of course, this will not be an exact copy, but its own path of radical institutional change. However, with such a formulation of the question, it was necessary to describe which power players are interested in the reformist scenario, how influential they are, etc. The author, apparently, gives the reader the opportunity to judge this for himself. The main value of the book is the description of the behavior of the actor — the predatory state. One can clearly see the unpredictability and radicalism of his steps. After all, there is no system of checks and balances. And reading the book will also prepare the researcher to perceive the state as it is, which is also important.

Keywords: *predatory state, reformers, reforms, foreign experience.*

JEL: H11, P51.